

Отже, реалізація номінаційного принципу "людина як така" у німецькій псевдонімії передбачає характеристичне називання за фізичними та психічними якостями людини, які автор вважає важливими для презентації себе як творчої особистості та комунікації з аудиторією. Слід також підкреслити, що розглянуті самоназви можуть відбивати як справжні, так і вдавані риси іменованої особи, що уможливує створення бажаного авторського образу. Пріоритетним для творчого називання є зображення психічних процесів (мислення, емоцій) та рис, що виявляються у поведінці та спілкуванні з іншими.

Крім функції умовної номінації особи, німецьким літературним самоназвам цього мотиваційного типу властиві також характеристична, оцінна, експресивна, символічна, функції стилізації та вираження самоіронії.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Александрова Т. С. Словарь немецких личных имен: Происхождение, значение, употребление. – М: Русский язык, 2000. – 247 с.
2. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М.: Рус. язык, 1986. – 840 с.
4. Дмитриев В. Под вымышленными именами // Русская речь. – 1969. – № 4. – С. 15 – 20.
5. Литвинов В. Д. Латинсько-український словник. – К.: Українські пропілеї, 1998. – 712 с.
6. Мурясов Р. З. Имя собственное в современном немецком языке. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1983. – 76 с.
7. Eumer W. Eymers Pseudonymen-Lexikon: Realnamen und Pseudonyme in der deutschen Literatur. – Bonn: Kirschbaum Verlag, 1997. – 627 S.
8. Kunze K. Dtw-Atlas. Namenkunde. Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. – 229 S.
9. Weigand J. Pseudonyme. Ein Lexikon. Decknamen der Autoren deutschsprachiger erzählender Literatur. – Baden-Baden: Nomos Verlag, 2000. – 535 S.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ольга Петрова – кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської філології КДПУ ім. В. Винниченка.
Наукові інтереси: антропоніміка, когнітивна лінгвістика, порівняльна типологія онімів німецької та української мов.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ СЛОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ірина САЛАТА (Кривий Ріг, Україна)

У статті досліджуються зміни у лексикографічній фіксації слів політичної лексики російської мови новітнього часу, які можуть сприяти подоланню розбіжностей в розумінні та використанні лексики політичного дискурсу представниками різних політичних та ідеологічних груп.

The article deals with the changes in lexicographical fixation of words of the political lexicon in the Russian language of the latest time which may lead to the overcoming the contradictions in usage and understanding of the lexemes of the contemporary political discourse by the representatives of different political and ideological groups.

В современном украинском обществе, страдающем в настоящее время от многочисленных политических, межэтнических, межконфессиональных противоречий и конфликтов, ясно ощущается недостаток взаимного понимания, вызванный разнообразными идеологическими и политическими интересами различных слоев населения, партий, религиозных конфессий и других групп. Взаимное недопонимание вызвано различными факторами, в том числе и языковой разобщенностью, отжившими идеологическими стереотипами, которые выражаются, распространяются и поддерживаются средствами языка. Выявление и преодоление разногласий в понимании политической лексики поможет, в какой-то степени, урегулировать существующие в обществе противоречия.

Под политической лексикой мы понимаем комплекс тех лексических средств выражения политических взглядов и интересов, которые используются для коммуникации, как между политиками, так и между политиками и народом, то есть совокупность политической терминологии и того лексического пласта, который Т. Б. Крючкова выделяет как общественно-политическую лексику [2: 16].

Какие требования выдвигаются к лексике политического языкового общения? По мнению Е. К. Павловой, эта лексика должна соответствовать главному требованию, предъявляемому к политической лексике, – она должна быть, прежде всего, понятна всем участникам политического дискурса. Употребление этой лексики не должно вызывать

недоразумений, неоднозначного толкования явлений, неоднозначной их оценки и неадекватной эмоциональной реакции на них у участников дискурса вне зависимости от их национальной, культурной, конфессиональной или социальной принадлежности [4: 100].

Конечно, полное устранение неоднозначности невозможно, но как считает Е. К. Павлова, по крайней мере, эта неоднозначность не должна приводить к неприязни, конфликтам и конфронтации в обществе. К сожалению, непонимание и игнорирование различий в понятийной системе часто приводит к серьезным политическим ошибкам, к провоцированию и разрастанию внутренних конфликтов. И это не удивительно, ведь представители противоположных политических сил, например, коммунисты, социалисты и сторонники правых сил, хотя и говорят на одном языке, денотативные и особенно коннотативные значения таких слов как «демократия», «либерализм», «рыночные реформы» в их тезаурусах значительно различаются. Это свидетельствует о том, что формирование тезауруса каждого из участников коммуникации подвержено влиянию таких экстралингвистических факторов, как идеология и политические интересы, поэтому даже носители одного языка часто не могут достичь взаимопонимания в политическом дискурсе.

Необходимо отметить, что данное явление тесно связано с возникновением внутриязыковой политической полисемии и амбивалентной эмотивности многих словесных единиц (см. об этом: [1: 141]), что обусловлено расслоением бывшего советского общества, которое из общества единомышленников превратилось в неоднородный коллектив с социальными группировками, имеющими неодинаковые идеологические установки. В подъязыках различных политических направлений одни и те же лексические единицы приобретают разный смысл и, соответственно, разные (диаметрально противоположные) эмотивные (социальные) оценки. Поэтому в подъязыке антидемократического направления многие словесные знаки сохраняют свое прежнее советское звучание, а слова, называющие перестроечные концепты, употребляются только пейоративно.

В данной статье мы сделали попытку проанализировать изменения, происходящие в новейшее время в лексикографической фиксации политической лексики, что, возможно, поспособствует устранению разногласий и противоречий в трактовке словесных единиц данной лексической сферы.

Следует отметить, что в структуре лексического значения некоторых словесных знаков происходят процессы, связанные со снятием идеологизированных лексико-семантических вариантов и появлением новых ЛСВ. Например, в советское время у слова *левый* было зафиксировано два значения: «1. Политически радикальный или более радикальный, чем другие. 2. Мнимо радикальный, прикрывающий революционной фразой оппортунистическую, соглашательскую сущность» [ОЖ-88: 257-258]. В современных лексикографических источниках отсутствует второе значение этого слова. В БТС и СОШ семантика рассматриваемой лексики интерпретируется следующим образом: «*Левый*. Политически радикальный или более радикальный, чем другие, в противоп. *правому*» [СОШ: 321; БТС : 489]. В словарях Г. Н. Складневской зафиксировано два значения: «1. *В политике и в истории философской мысли*: радикальный, ориентированный на общественные и политические демократические преобразования; выражающий такие взгляды; противоп. *правый*. 2. Придерживающийся социалистических или коммунистических взглядов и революционных методов социальных преобразований» [ТСЯИ-98 : 352; ТССРЯ-2001: 411], причем второе значение отражает изменившуюся политическую обстановку в стране.

Проанализируем лексикографическую интерпретацию слова *правый*. В словаре С. И. Ожегова 1988 г. отмечается два значения данной словесной единицы: «1. *В политике*: консервативный, реакционный, враждебный всякому прогрессу. 2. *В рабочем движении*: враждебный марксизму-ленинизму, политике коммунистической партии, оппортунистический» [ОЖ-88: 468]. В СОШ и в БТС второе значение, отражающее советскую трактовку понятий, отсутствует: «*Правый*. *В политике*: консервативный, реакционный, враждебный всякому прогрессу» [СОШ: 577]; «Враждебный передовым течениям в политической и общественной жизни; консервативный, реакционный» [БТС : 954]. В словарях Г. Н. Складневской также фиксируется две дефиниции. Первая, по сути, совпадает с дефиницией в ОЖ-88, отличаясь от последней незначительными вариациями в

трактовке значения: «**Правый**. 1. В политике и в истории философской мысли: консервативный, ориентированный на прошлое, выступающий против общественных и политических революционных преобразований; выражающий такие взгляды; противоп. **левый**». Дефиниция, представляющая второе значение, по своему содержанию прямо противоположна дефиниции, зафиксированной в ОЖ-88. Стоит заметить, что в ТСЯИ-98 это значение дается с пометой *зафиксировано впервые*: «**Правый**. 2. В общественно-политической жизни Советского Союза, в период перестройки и (реже) в настоящее время: коммунистический и прокоммунистический, верный идеям марксизма, отвергающий демократические преобразования; выражающий такие взгляды» [ТСЯИ-98: 494]. В ТССРЯ-2001 в трактовке этого значения исчезают семы 'реже' и 'верный идеям марксизма': «**Правый**. 2. В общественно-политической жизни Советского Союза, в период перестройки и в настоящее время: коммунистический и прокоммунистический, отвергающий демократические преобразования; выражающий такие взгляды» [ТССРЯ-2001: 495].

Таким образом, до середины 80-х годов XX века названные лексемы активно употреблялись в речи, но в значениях, полностью не соответствующих традиционной политической системе координат. В настоящее время словесные единицы получили следующие значения и оценочные знаки: **Правые**. Демократические элементы, сторонники экономического либерализма (положительная оценка); **Левые**. Коммунисты (отрицательная оценка) [ТСЯИ-98: 494].

Аналогичные изменения отражает лексикографическая интерпретация и слова *либерал*, которое в советское время имело определение «Человек, который либеральничает, занимается вредным попустительством (устар.)» [ОЖ-88: 261]. В настоящее время в словарных статьях происходит мена производной отрицательной семы 'занимается вредным попустительством' на нейтральную 'терпимо, снисходительно относящийся к кому-либо, чему-либо', как в БТС: «**Либерал**. 1. Человек, *терпимо, снисходительно относящийся к кому-либо, чему-либо*» [БТС: 355-356], и даже положительную, как в словарях Г. Н. Складневской: «Сторонник политики либерализации общественных отношений; *свободолюбивый человек*» [ТСЯИ-98: 355-356; ТССРЯ-2001: 415].

Как видим, словесная единица *либерал* приобретает в новейший период развития русского языка окраску, которую можно определить как не только нейтральную, но скорее даже эмотивно положительную.

Обдумывая перемещение понятий такого рода, В. Аксенов в сочинении «В поисках грустного беби» замечает: «В мире в виде фона для вполне отчетливой и наглой политики царит терминологическая, семантическая, лингвистическая и эстетическая неразбериха» [цит. по 3: 150]. Кроме слов *левый* и *правый*, это иллюстрируется такими примерами путаницы со словами *новые* и *старые русские*, *демократ*, *консерватор*, *радикал* и некоторыми др. В. Г. Костомаров подтверждает эту мысль, говоря о том, что для разных социальных групп и для разных этапов истории общества смысл слов в целом различен до полярности [3: 150].

Таким образом, тенденция исчезновения отдельных ЛСВ многозначных словесных единиц, связанная со снятием «идеологических наслоений», и появление новых ЛСВ, соответствующих современной политической обстановке, является одним из ярких процессов развития лексики в современном русском языке.

Точность понимания и употребления слов конкретной семантики в силу определенности их денотативного значения вызывает гораздо меньше затруднений и недоразумений, чем точность понимания и употребления слов с абстрактным значением и варьирующимся (колеблющимся) понятийным содержанием, что особенно характерно для области политики.

В этой сфере социальной деятельности говорящие и пишущие, в силу различий мировоззренческих установок, вкладывают в одни и те же слова разное, подчас резко различающееся понятийное содержание и, соответственно, разное коннотативное значение.

Поскольку слова существуют не сами по себе, а в определенном обществе, то политизация и деполитизация всегда сопровождается трактовку некоторых групп лексики и, соответственно, их официальную подачу в лексикографических трудах.

Такие слова, как *анархизм, антикоммунизм, буржуазия, демократия, капитализм, социал-демократия* и др., не просто утратили идеологизированные денотативные семы (далее они выделены нами), с помощью которых данные понятия трактовались как враждебные с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, а произошла переориентация понятий, которая выражается в полностью измененных политизированных трактовках значений данных слов.

Рассмотрим некоторые примеры. В словаре С. И. Ожегова 1988 г. слово *капитализм* определялось так: «Общественный строй, при котором основные средства являются *частной собственностью класса капиталистов, эксплуатирующих труд наемных рабочих для извлечения прибыли* [ОЖ-88: 216]. В словарях Г. Н. Складневской и в БТС дается деполитизированная трактовка: «**Капитализм.** Общественный строй с высоким уровнем производства, гражданским обществом, развитым рынком и частной формой присвоения общественного продукта, прибыли» [ТСЯИ-98 : 285-286; ТССРЯ-2001: 328]; БТС: «Общественный строй, в основе которого лежат различные формы частной собственности на средства производства, рыночная экономика и гражданское общество, состоящее из двух основных групп – владельцы средств производства и наемные работники» [БТС: 416].

Словесная единица *демократия* в словарях советского времени имела определение: «Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан», которое носило ярко выраженный политизированный характер, поскольку рассматривалось как два противоположных типа демократии, один из которых правильный – «*Социалистическая демократия – высший тип демократии, основанный на полном и фактическом народовластии*» – истинный и полный, а второй – неправильный: «*Буржуазная демократия – формально декларируемая власть народа при действительном господстве буржуазии*», о чем свидетельствуют выделенные нами семы. Трактовка данного слова в современных толковых словарях, в частности в словарях Г. Н. Складневской: «Государственный строй и организация всей жизни общества, основанные на признании народа источником власти и всеобщего равноправия в сочетании с широким кругом политических и гражданских прав и свобод; против. Тоталитаризм», демонстрирует процесс гармонизации политических тезаурусов [ТСЯИ-98: 130; ТССРЯ-2001: 207].

Слово *социал-демократия* в ОЖ-88 сопровождается дефиницией: «Возникшее в конце XIX века идейно-политическое направление в международном рабочем движении, первоначально ставившее своей целью революционную борьбу с капитализмом, а позднее переродившееся в *оппортунистическое реформистское течение*» [ОЖ-88: 614]. В современных толковых словарях приводится полностью измененное определение слова. В БТС читаем: «**Социал-демократия.** Общее название партий, движений и течений, объединяющих левые силы, ставящих своей целью социально-экономическое совершенствование общества путем его реформирования» [БТС: 1243]; в словарях Г. Н. Складневской *социал-демократия* определяется следующим образом: «Идейно-политическое движение, ориентирующееся на установление строя социальной справедливости, свободы и равенства демократическими методами, путем реформ» [ТСЯИ-98: 600; ТССРЯ-2001 :740].

Анархизм. Ныне нейтральное слово в словаре С. И. Ожегова 1988 г. определялось так: «*Враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть (в том числе диктатуру пролетариата), организованную политическую борьбу и руководящую роль пролетарской партии*» [ОЖ-88: 24]. В современных лексикографических источниках слово имеет совершенно другое определение, соответствующее изменившемуся политическому и общественному сознанию. Исчезают семы ‘враждебное марксизму’, ‘мелкобуржуазное’, а также ‘отрицающее диктатуру пролетариата, руководящую роль пролетарской партии’, трактующие понятие с точки зрения марксистско-ленинской идеологии. В БТС читаем: «**Анархизм.** Общественно-политическое течение, отрицающее всякую государственную власть и организованную политическую борьбу, проповедующее неограниченную свободу личности» [БТС: 38]. В словарях Г. Н. Складневской зафиксировано: «**Анархизм.** Общественно-политическое течение,

отрицающее государственную власть, проповедующее свободу личности» [ТСЯИ-98: 49; ТССРЯ-2001 : 19], причем в ТССРЯ-2001 слово дано с пометой *полит.*

Либерализм. Словарь С. И. Ожегова 1988 г. содержит следующее толкование: «*Буржуазное* идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя и *ограниченных буржуазно-демократических свобод*» [ОЖ-88: 261]. В СОШ семы ‘буржуазное’, а также ‘ограниченные буржуазно-демократические свободы’ отсутствуют, а определение, передающее обновленную семантику слова, звучит так: «Идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников *демократических свобод* и *свободного предпринимательства*» [СОШ: 326]; из дефиниции, предлагаемой БТС, также исчезает сема ‘буржуазное’, а конкретизатор ‘ограниченные буржуазно-демократические свободы’ заменяется на ‘широкие политические свободы’ [БТС: 496]. Лишены каких-либо идеологизированных компонентов и толкования этого слова в словарях Г. Н. Скляревской: «**Либерализм.** Одно из влиятельных общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства [ТСЯИ-98 : 356; ТССРЯ-2001: 416].

Антикоммунизм. В ОЖ-88 слово имеет следующую трактовку: «*Главная идейно-политическая доктрина империализма, основным содержанием которой является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма*» [ОЖ-88: 25]. В современных словарях дается деполитизированное определение этого слова: «Идеология и политика, направленные против коммунизма» [СОШ: 26; БТС: 41; ТСЯИ-98: 53; ТССРЯ-2001: 25]. В ТССРЯ-2001 лексема сопровождается пометой *полит.*, что свидетельствует о закреплённости данных значений за сферой современной политической жизни.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время происходит процесс освобождения слов от политических и идеологических довесков.

Во многих случаях в процессе актуализации лексические единицы рассматриваемой тематической группы утрачивают идеологизированную сему ‘враждебный прогрессу’. Например, происходит снятие названной идеологизированной семы в слове **консервативный**. В словаре С.И. Ожегова 1988 г. дается следующая дефиниция этого слова: «*Враждебный всяким нововведениям, отстаивающий неизменность чего-нибудь, косный*» [ОЖ-88: 235]. В СОШ конкретизатор «враждебный всяким нововведениям» изменен на более нейтральный вариант «*противящийся каким-н. нововведениям*», ср.: «**Консервативный.** Отстаивающий неизменность чего-н. (политического строя, быта), *противящийся каким-н. нововведениям*» [СОШ: 290]. В словарях Г. Н. Скляревской зафиксированы два значения, трактовка которых не включает названную идеологизированную сему: «**Консервативный.** 1. Традиционный, опирающийся на традиции; сохраняющий старое, надежно зарекомендовавшее себя. 2. Отстаивающий неизменность в общественном устройстве и политике; противоположное – революционный, реформаторский» [ТСЯИ-98: 323-324; ТССРЯ-01 : 375].

В свете вышесказанного можно выделить несколько задач, стоящих перед лингвистами в сфере политической лексики, – это выявление политических тезаурусов различных групп, семантический анализ не только денотативных, но и коннотативных значений политической лексики, выявление сходства и различий разных тезаурусов, и в результате гармонизация политических тезаурусов за счет расширения области взаимного соответствия политической лексики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Заварзина Г. А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80-90-е годы XX века (по материалам словарей и газетной публицистики): Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1998. – 220 с.
2. Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989. – 16с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – СПб: Златоуст, 1999. – 318 с.
4. Павлова Е. К. Лексические проблемы глобального политического дискурса // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. – 98-111 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1535 с.

ОЖ-88 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 4-е изд., доп. – М., 2001. – 944 с.

ТСЯИ-1998 – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. РАН, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

ТССЯИ-2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Астрель Аст, 2001. – 894 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ірина Салата – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови з методикою викладання Криворізького державного педагогічного університету.

Наукові інтереси: лексикологія російської та англійської мов.

СЕМАНТИЧНІ ДЕРИВАТИ У СКЛАДІ ТЕРМІНОЛОГІЇ СОЦІАЛЬНОЇ РИНКОВОЇ ЕКОНОМІКИ В СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Оксана ПОДВОЙСЬКА (Херсон, Україна)

У статті розглянуто особливості термінотворення понять соціальної ринкової економіки способом семантичної деривації, встановлено основні типи ознак, за якими відбувається переосмислення та виявлено напрями перенесення значень за асоціацією з поняттями окремих галузей людської діяльності.

The peculiarities of the term-building of social market economy notions by the method of semantic derivation are investigated in this article. The basic types of teachers by which the re-comprehension occurs are determined and the directions of transfer meanings (metaphor) through an association with the concepts of different human activity fields are established.

Термін як носій наукової та пізнавальної інформації є першоджерелом формування та поглиблення знань у суспільстві, служить основою і гарантом соціальної активності та реалізації прав індивідуумів на освіту. Процес термінотворення є соціальним явищем, органічною частиною соціального розвитку. Саме тому становлення, розвиток та функціонування термінів як одиниць мовної та поняттєвої системи потребує постійної уваги науковців.

Загальний аналіз сучасного стану німецької мови засвідчує фактичну відсутність випадків виникнення самостійних нових слів для вираження нових концептів, що було характерним на початковому етапі розвитку мови. На цей факт вказував ще Е.Сепір: „Ні одна мова не може виражати кожну конкретну ідею через самостійне слово або кореневий елемент. Конкретність досвіду безмежна, але ресурси найбагатшої мови обмежені” [5: 34]. Тобто, тут має місце явище дивергенції між безмежністю людського досвіду та обмеженістю ресурсів словникового складу мови, яка (дивергенція) має трансцендентний характер, тобто властива всім мовам світу.

Одним з продуктивних способів номінації на сучасному етапі розвитку мови є семантична номінація, коли звукова оболонка вже наявного слова використовується для позначення нового поняття. У ракурсі досліджуваної проблеми можна говорити про семантичне термінотворення в лексичній підсистемі німецької мови – соціальної ринкової економіки. Цей тип номінації, який стосовно термінології називається термінологізацією, є результатом семантичної деривації в межах наявної лексичної одиниці загальноживаної лексики і ґрунтується на різних видах перенесення та змін значення. При компонентному аналізі фактичного матеріалу, утвореного шляхом метафоризації у кількості 300 терміноодиниць, ми виявили у 60 термінів (20%) такі поширені типи ознак, що пов’язані із **зовнішньою характеристикою** об’єкта порівняння:

1) форма (28,4%): *die Preisschere* “ножиці цін” [8: 207];

2) просторові характеристики (21,6%): *der Engpaß* “вузьке місце” (напр., в економіці, тобто певна галузь, яка характеризується певними недоліками); від цього спеціального значення утворюється інше „дефіцит, нестача” [2: 176]; часто тут виражається сема „напрямок“, особливо “вгору – вниз”: *hochschrauben* “підіймати (ціни)” [2: 269], до речі, в цьому разі відбувається й перенесення за схожістю форми від компонента “*Schraube*” “гвинт”;

3) колір (18,4%): *der Schwarzmarkt* “чорний ринок” [8: 231], де компонент “*schwarz*” має значення “незаконний”, “незаконний”;